

Цуй Юань слегка дал ему щелчок по затылку, но сам не удержался от вздоха и тихо произнес:

— Нам нечего бояться: если сам прям, то и тень кривой не будет. Соседи видят, каков молодой господин на самом деле, так что сплетничать не станут.

Заметив, что Цуй Се даже веком не повел, он понял, что тот ничуть не считает себя виноватым в том, как выставил своего отца.

«Эх, после той порки характер у молодого господина изменился. Неужто он и впрямь отдалился от господина отца?»

Задать этот вопрос Цуй Се он не смел, с сыном тоже обмолвиться не мог, а потому лишь затаил тревогу в душе и молча закончил трапезу.

На следующий день с первыми петухами на рассвете рано посветлело. Красноватые лучи солнца пробивались сквозь полупрозрачную оконную бумагу и падали прямо на веки Цуй Се.

Он открыл глаза, некоторое время пристально разглядывал темную дыру на потолке, а затем откинул одеяло и сел. С сегодняшнего дня нужно было всерьез взяться за учебу: как только он повторит и закрепит знания прежнего владельца этого тела, можно будет отправиться в школу.

В прошлой жизни он проучился шестнадцать лет — дольше, чем прожил обладатель этого тела, — а в этой ему снова приходилось начинать все с нуля.

С вздохом спустив ноги с кровати, Цуй Се надел незабудочно-нефритовый халат чжишэнь, оставленный с вечера на жаровне для окуривания одежды, и зачерпнул холодной воды из чана для умывания. В эпоху династии Мин тоже существовали шарообразное мыло, зубные щетки из свиной щетины и зубной порошок из благовоний и лекарственных трав, вот только пенились они плохо, из-за чего ощущение чистоты казалось неполным. Впрочем, Цуй Се не был придирчив к мелочам и за пару дней вполне привык.

Тихонько умывшись, он выплеснул остатки воды в сорняки у края двора, поправил перед чаном волосы, связав их в узел, и надел сеточку-ванцзинь — и тут же превратился в типичного юного школяра эпохи династии Мин.

Пощупав пучок волос, он с удовлетворением подошел к сундучку с книгами, достал стопку списков «Четверокнижия», переписанных прежним владельцем тела, пробежал их глазами, отсканировал в формат PDF и сохранил на жестком диске. Затем расставил на канном столике четыре сокровища кабинета и, опустившись на колени, стал штриховать иероглифы с парящего перед глазами PDF-файла.

Пока он писал, снаружи раздался звонкий колокольный перезвон, и из соседней комнаты тут же слышались торопливые шаги. Это Цуй Юань в короткой куртке выбежал во двор, обменялся парой слов у ворот и впустил водовозную телегу. Вдвоем они с шумом перелили воду, доверху наполнив большой чан на кухне.

В современности водовозы таскали бутылки на верхние этажи, а во времена династии Мин люди въезжали на больших телегах прямо во двор — жизнь в древности оказалась вовсе не такой хлопотной, как представлялось.

Едва водовоз уехал, за воротами слышались самые разные голоса уличных торговцев. Кто-то предлагал соевое молоко и нежный тофу, кто-то — слоеные лепешки с фруктовой или мясной начинкой, паровые пельмени, шаомаи, печеные коржи, мясные маньтоу, кто-то зазывал купить

лапшу в бульоне, суп из потрохов или кашу с османтусом...

Цуй Юань купил понемногу всяких яств. Хоть они и уступали в изысканности блюдам из дома семьи Цуй, зато выбор был богатым, да и готовили их по секретным рецептам — аромат стоял пленительный. Войдя и увидав, что Цуй Се уже стоит у стола и занимается письмом, слуга принялся звать Пэн Яня вставать, а сам занес поднос с завтраком, предлагая хозяину поесть, пока не остыло.

В доме семьи Цуй сначала трапезничали господа, а слуги доедали оставшееся. Цуй Се пока не мог изменить их укоренившиеся привычки, поэтому взял лишь несколько шаомаев, пару крабовых баоцзы да налил пиалу сладкой каши, а остальное оставил нетронутым. Когда он закончил, Цуй Юань унес поднос и отправился с сыном обедать на кухню.

Вскоре в ворота постучали мастера по чистке колодцев. Они установили над срубом треногу и приготовились к работе. Цуй Юань разогрел оставшиеся кушанья, поднес мастерам и налил по пиале вина, чтобы те согрелись и не простудились, спускаясь на дно.

Чистка колодца — дело для дома немаловажное. Соседи еще вчера узнали, что юный хозяин усадьбы цзиньши вернулся, а домоладцы юаньвая Чжао к тому же пустили слух, что здесь будут чистить колодец, так что зеваки не заставили себя ждать.

Семья Чжао жила ближе всех, познакомилась с ними раньше всех и поддерживала самые теплые отношения, а потому не могла не прийти на помощь. Юаньвай Чжао лично привел двух слуг-мужчин с веревками и шестами, а сам ухватил Цуй Се за руку и под предлогом того, что во дворе слишком шумно и это мешает занятиям, пригласил его к себе в гости.

Цуй Юань тоже стал уговаривать:

— Дома грязь и гармидер, а когда со дна начнут поднимать старый ил, весь двор пропахнет, для здоровья вредно. Ступайте, молодой господин, пока в дом старого юаньвая Чжао, не заставляйте нас при работе на вас отвлекаться.

Юаньвай Чжао с расплывшейся улыбкой произнес:

— Братец Цуй, не извошь переживать, мы со старухой присмотрим за вашим молодым хозяином в лучшем виде! Пусть возьмет с собой книги, а когда мой внук вернется из школы, они смогут обсудить труды мудрецов.

Цуй Юань от волнения рассыпался в благодарностях; ему едва ли не хотелось перебросить молодого господина через дувал и тут же пригласить внука почтенного соседа Чжао, дабы тот растолковал ему священные каноны.

Пришедшие на помощь соседи и слуги тоже наперебой заговорили:

— Молодой господин, ступайте со спокойной душой, не беспокойтесь о работе! Нас тут много, колодец почистить — пара пустяков.

Пэн Янь пошел собирать его книги и четыре сокровища кабинета, едва ли не горя желанием перетащить в дом семьи Чжао весь книжный сундук. Но Цуй Се сохранял благоразумие: сознавая, что его почерк пока стыдно показывать людям, он не желал писать в чужом доме и велел взять лишь два тома «Собрания комментариев к главам и предложениям «Четверокнижия»», чтобы за это время почитать их и сверить с рукописным списком.

Когда они пришли к семье Чжао, Пэн Яня слуги провели в привратническую пить чай, а Цуй Се юаньвай Чжао повел во внутренние покои. Старая госпожа Чжао вместе с невесткой ждала его в главных покоях. Едва он вошел, как на стол подали четыре вида сладостей, выложенных в форме цветка рогульника, и подали пиалу с виду ничем не примечательного горячего питья.

Он думал, это снова жасминовый отвар Тан, но, пригубив, ощутил вовсе не прежний аромат, а приятную прохладу и сладость. По вкусу напиток напоминал мятный чай, но благоухание было куда более ярким и необычным.

Старая госпожа Чжао не без гордости примолвила:

— Это моя невестка сама приготовила отвар Тан «Учень» — «Без пыли». Братец Сяо Се только прибыл в Цяньань, так пусть отвар смывает пыль с дороги, как знак нашего радушного приема.

Цуй Се искренне восхитился:

— Дома мне не доводилось пробовать столь благоуханного и освежающего отвара Тан, у почтенной тетушки поистине искушенные руки и тонкий ум! Неудивительно, что оба моих названных брата в столь молодые годы преуспевают в науках... Впрочем, глядя на вас, старших, сразу понимаешь, что перед моими братьями открыто великое будущее.

Юаньвай Чжао довольный усмехнулся и махнул рукой:

— Старший мой внук, Инши, разумный малый, а вот Инлинь не таков, ему лишь бы в уездном училище штаны протирать, выйдет ли из него толк — Бог ведает.

Госпожа Чжао тоже скромно добавила:

— Я лишь молю, чтобы они росли живыми и здоровыми, о далеком будущем и помыслить не смею. Братец Сяо Се, если отвар пришелся по вкусу, пей еще! А когда в вашем доме устроят пир, мы со свекровью приготовим и пришлем наши фирменные блюда и отвары Тан.

Старая госпожа Чжао кивнула:

— Мой сын уже отправился искать поваров в рестораны «Дэцзюлоу» у Восточных ворот, «Цзюхэшунь» на Восточной улице и «Цзинвэйлоу». Эти заведения славятся столичной кухней. День-два — и будут вести, так что, братец Сяо Се, прикидывай сам, на какой день назначить пир.

Цуй Се улыбнулся:

— Лучше сделать это раньше, чем позже. Как только почистят колодец и с водой не будет хлопот, я тут же приглашу почтенных соседей в гости. Вот только я еще мал, опыта в делах нет, и не ведаю, нужно ли рассылать пригласительные карточки и как их правильно составлять.

Если писать было обязательно, ему пришлось бы еще пару дней «тяжело болеть и не иметь сил держать кисть», чтобы доверить это дело Цуй Юаню с сыном.

Юаньвай Чжао хлопнул по столу, решая за внука:

— Пусть Инлинь всех пригласит! К чему карточки? Инлинь знает всех школяров из нашей округи, зайдет в училище, кликнет — все и прибегут!

Госпожа Чжао сияла от гордости и без усталости нахваливала сына: мол, и ладит-то он со всеми в училище, и господин Линь его жалуется... Хвасталась она, хвасталась, а разговор как-то сам собой перешел на то, что сын вырос и пора бы ему прискакать невесту, да каковы в столице свадебные обычаи... Слово за слово разговор зашел о самом Цуй Се: сосватали ли его дома и какие девушки ему по душе.

«Те, кто учился в университете, из моего времени, с кем можно поболтать по душам...»

Цуй Се опустил голову и с наигранным смущением произнес:

— Подобные дела пребывают в воле родителей. К тому же у меня еще нет ученого звания, к чему мне думать о таком?

Госпожа Чжао изобразила на лице досаду, смешанную с надеждой, но старая госпожа Чжао, заметив это, слегка похлопала невестку по руке и молвила:

— Братец Сяо Се пришел к нам, чтобы побыть в тишине и почитать, а мы утомили его своими женскими разговорами. Хватит с него. Сяо Чуньсян, проводи молодого господина Цуя в восточный кабинет.

Затем старушка улыбнулась Цуй Се:

— Ты уж не обессуди, братец Сяо Се, стала я стара да болтлива, вот и отвлекла тебя от учебы. В восточном дворе у нас есть тихий кабинет, ступай туда заниматься, чтобы шум от работы тебе не мешал.

Госпоже Чжао оставалось только подняться, чтобы проводить его, а юаньвай Чжао молвил:

— Вы, бабы, не провожайте, я сам отведу молодого господина в кабинет Инши.

<http://bllate.org/book/18372/1761243>